

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Будаев Э.В.

Нижний Тагил, Россия

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРОЛОГИЯ: РАКУРСЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

УДК 81'27

ББК Ш 100.3

Аннотация. В статье дана характеристика основных ракурсов сопоставительного анализа в политической метафорологии. Выделено несколько основных видов сопоставления метафоры политического дискурса: 1) межкультурное; 2) социально-дискурсивное; 3) диахроническое; 4) мультимодальное.

Ключевые слова: политическая метафорология, метафора, политический дискурс, сопоставительный анализ, методология.

Сведения об авторе: Будаев Эдуард Владимирович, кандидат филологических наук, докторант.

Место работы: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, Институт филологии и массовых коммуникаций.

Контактная информация: 622031, г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская д. 57.

e-mail: aedw@rambler.ru

Budaev E.V.

Nizhny Tagil, Russia

POLITICAL METAPHOROLOGY: FOCUSES OF CONTRASTIVE ANALYSIS

ГСНТИ 16.21.27, 16.01.07

Код БАН 10.02.05, 10.02.19

Abstract. The paper investigates the aspects of contrastive studies in political metaphorology. The author delineates main focuses of comparative research into political metaphors, namely 1) intercultural; 2) social-discursive; 3) diachronic; 4) gender; and 5) multimodal comparison.

Key words: political metaphorology, metaphor, political discourse, contrastive analysis, methodology

About the author: Budaev Edward Vladimirovich, Candidate of Philology, Doctoral Student.

Place of employment: Nizhny Tagil State Social Pedagogical Academy.

Сопоставительный метафорический анализ политического дискурса относится к активно развиваемым направлениям политической метафорологии, направленной на исследование ментальных представлений, лежащих в основе категоризации политического мира. Как показывают многочисленные исследования, политические метафоры отражают и воспроизводят доминантные для определенных обществ ценности и оппозиции, оказывают значительное влияние на осмысление политической действительности, служат руководством к принятию решений и действию (А.Н. Баранов, М. Джонсон, Дж. Лакофф, Х. де Ландтсхеер, А. Мусолфф, Т. Рорер, Й. Цинкен, А.П. Чудинов и др.).

Каждый лингвист, приступая к сопоставительному изучению политической метафоры, так или иначе ограничивает материал для своего исследования. Эти ограничения чаще всего носят дискурсивный характер, то есть сопоставляются не политические метафоры вообще, а политические метафоры в конкретных дискурсах, рассматриваемых под определенными ракурсами. В современной политической метафорологии выделяется несколько основных ракурсов сопоставления:

- лингвокультурологическое (межкультурное);
- социально-дискурсивное;
- диахроническое;
- мультимодальное.

Рассмотрим подробнее эти четыре критерия сопоставления.

1. Лингвокультурологическое (межкультурное) сопоставление. Одна из актуальных

проблем политической метафорологии – сопоставление закономерностей метафорического моделирования политической картины мира в политических дискурсах различных государств. В этой сфере можно предположить постоянное взаимодействие двух тенденций. С одной стороны, как справедливо отмечает при сравнении русских и польских морбиальных метафор Т.В. Шмелева, «современные средства массовой информации составляют уже своеобразный интердискурс, в котором различия отдельных... языков – вещь чисто поверхностная. При обсуждении современных событий мировая пресса мгновенно подхватывает сказанное кем-то удачное выражение, оно разносится по изданиям и языкам... Мы смотрим на мир (или нам предлагается смотреть) очень схоже» [Шмелева 2001: 5].

С другой стороны, следует согласиться с положением Дж. Лакофф и М. Джонсона о том, что наиболее фундаментальные культурные ценности согласованы с метафорической структурой основных понятий данной культуры [Лакофф, Джонсон 2004]. Аналогичные мысли неоднократно высказывали и отечественные специалисты (Ю.Д. Апресян, А.Н. Баранов, Е.М. Верещагин, В.Г. Гак, Ю.Н. Караулов, В.Г. Костомаров, Е.С. Кубрякова, Б.А. Успенский и др.).

Сопоставляя названные тенденции, можно сделать вывод о том, что национальная метафорика в одних своих аспектах отражает современное состояние общества, национальную культуру и национальный менталитет, в других – типична для определенного культурного пространства (Запад, Россия, Восток, Африка и

др.), а в третьих – имеет общечеловеческий характер.

Для верификации этих положений рассмотрим исследования по политической метафорике в политических дискурсах стран Востока, составляющих контраст с большинством исследований, направленных на анализ политической метафорике в цивилизационном пространстве Запада и России.

Действительно, метафоры, распространенные в политическом дискурсе стран Запада, довольно традиционны и для политической коммуникации Востока. Иллюстрирующим примером может служить монография Дж. Вэй [Wei 2001], в которой проанализированы основные метафорические модели тайваньского политического дискурса. В Тайване политические сущности метафорически представляются в понятиях военных действий, семейных отношений, зрелищных представлений, торговли и др. Выводы автора вполне сопоставимы с результатами похожих монографических исследований, проведенных специалистами из разных стран на примере политических дискурсов России, США и государств Европы [Charteris-Black 2004, 2005; Musolff 2000, 2004; Santa Ana 2002; Чудинов 2001, 2003].

Схожая ситуация наблюдается и при рассмотрении метафор в политическом дискурсе Сингапура. В частности, Л. Ви [Wee 2001] показал, что разъединение Сингапура и Малайзии и возможное воссоединение двух государств в будущем осмыслялось в метафорах супружеских отношений, что является довольно устойчивым фреймом для концептуализации политических ситуаций подобного рода в политическом дискурсе России, Великобритании, Германии, Польши и других стран [Баранов, Караулов 1991, 1994; Будаев 2009; Чудинов 2001; Zinken 2002].

Метафоры египетского политического дискурса в их взаимосвязи с семиотикой арабской культуры и текущей политической ситуацией рассмотрены в монографии И. Насальски [Nasalski 2004]. Как показывает польский исследователь, египетские метафоры отражают сложности переходного периода, в котором становление демократического мировоззрения переплетается с традиционными ценностями и символами. Вместе с тем доминирующие арабские метафоры (беременность, рождение ребенка, болезнь, пробуждение, дорога и др.) вполне согласуются с аналогичными образами в традиционной политической метафорике западной культуры.

Эти примеры свидетельствуют о том, что в политической метафорике Запада и Востока существует много общего. Вместе с тем, несмотря на активную глобализацию и вестернизацию традиционных обществ, на цивилизационном пространстве Востока остается место для метафорического своеобразие.

Это своеобразие вызывает особый интерес, поскольку, с одной стороны, служит подтверждением перспективности антропоцентрически ориентированных исследовательских программ, активно реализуемых в лингвокультурологических и когнитивных изысканиях, а с другой – обладает несомненной практической ценностью. Знания об особенностях концептуализации мира в иной культуре становятся необходимым условием для межнационального взаимопонимания, ценным приобретением для специалистов из многих областей, так или иначе связанных с межкультурной коммуникацией.

Ряд примеров восточной специфики метафорического осмысления политики находим в монографии Б. Льюиса «Политический язык ислама» [Lewis 1988]. Если на Западе глав государств часто сравнивают с капитаном или рулевым корабля, то метафоры лидерства в исламе связаны с искусством верховой езды. Мусульманский лидер никогда не стоял за штурвалом, но часто сидел в седле и держал ноги в стремях. Также его власть никогда не ассоциировалась с образом солнца, потому что испепеляющее солнце не радует жителей Востока. Мусульманский лидер закрывает подданных благодатной тенью, спасающей от палящего солнца, и одновременно сам является «тенью Бога на земле». Если мы обратимся к метафорам стран Запада и России, то обнаружим, что в них метафора монарха как солнца довольно традиционна. Достаточно вспомнить французского Короля Солнце (Людовика XIV) или собирательный образ древнерусского князя Владимира Красное Солнышко.

Интересны наблюдения Б. Льюиса по поводу ориентационных метафор. На Ближнем Востоке властные отношения в большей степени представляются в горизонтальных, нежели вертикальных понятиях. Человек во власти не бывает внизу или сверху, но внутри или снаружи, рядом или далеко. В исламском обществе власть и статус больше зависят от близости к правителю, чем от ранга во властной иерархии. Правители Ближнего Востока чаще предпочитали дистанцироваться от критически настроенного окружения, чем понижать их в ранге, или отправляли негодных в ссылку, вместо того чтобы бросить их в подземелье. Разумеется, речь не идет о бунтарях и явных мятежниках, с которыми и на Западе и на Востоке власть имущие поступали примерно одинаково.

Особенно рельефно специфика политических метафор Востока проявляются в гендерных стереотипах исламских государств. Сопоставление исследований политической метафорике Запада и Востока позволяет сделать вывод о том, что метафорическая картина политической действительности часто структурируется в соответствии с противопоставлением мужского и женского начал, но оценочные

смыслы варьируются в политическом дискурсе гетерогенных культурных сообществ.

Разумеется, Восток – это не только исламские государства, и при обращении к другим его субрегионам обнаруживаются другие культурно обусловленные концептуальные особенности.

К примеру, китайские метафоры брака несут в себе отличную от европейской концептуальную информацию. В китайском обществе браку предшествует серия замысловатых переговоров, направленных на защиту интересов обеих семей, а желания жениха и невесты – вопрос второстепенный. Это сближает рассматриваемые китайские метафоры с метафорами торговой сделки, но с моральным основанием: брак рассматривается китайцами как выполнение обязательств перед предками [Wei 2001: 63-64, 66-68].

Причины своеобразия рассмотренных метафор довольно прозрачны. Их оценочные смыслы эксплицитно связаны с климатическими условиями того ареала, на котором формировались культуры Востока, с культурными традициями, предписывающими соответствующие стереотипы поведения, и другими факторами, имеющими многовековую историю. Вместе с тем система политических метафор даже в самом традиционном обществе представляет собой не раз и навсегда заданную систему концептуальных координат для осмысления реальности, а концептосферу, меняющуюся в зависимости от экстралингвистической действительности. Изменения в инвентаре политических метафор стран Востока связаны как с внутренними потребностями, так и с инокультурным влиянием.

Примеры своеобразной интерпретации метафор «западного происхождения» обнаруживаем у Дж. Вэй. Исследователь прослеживает, как в нарративе «Выборы мэра Тайбэя» кандидаты боролись за пост с помощью метафор пищи и наименований собак. Популярный в местных кругах кандидат называл имеющего американское образование оппонента *пиццей* и *guibingou* («дорогая иностранная собачка»), связывая эти концепты с удаленностью претендента на пост мэра от насущных проблем. Себя же он позиционировал как *дворняжку* и *baozi* (популярный в народе вид сдобной булочки) [Wei 2001: 62-63].

Довольно интересны наблюдения Дж. Вэй относительно традиционной китайской цветовой символики и ее взаимодействия с новообразованиями в политической метафорике. По данным исследователя, в современном тайваньском политическом дискурсе получила широкое распространение метафора шляпы как символа власти. При этом важное значение имеет ее цвет: красный цвет связан со взяточничеством, золотой – с финансовыми скандалами, черный – с культивированием непотизма, желтый – с прелюбодеянием. Таким образом, политик, который, например, «носит красную

шляпу», косвенно обвиняется автором метафоры в коррупции [Wei 2001: 75-77].

Помимо своеобразия в концептуальных картинах мира, политическая метафорика Востока характеризуется спецификой, связанной с особенностями ситуативной интерпретации определенных политических событий. В этом отношении наиболее известна публикация Дж. Лакоффа, в которой рассмотрен контраст между метафорическим осмыслением кризиса в Персидском заливе в США и арабских странах [Lakoff 1991].

Указанная работа Дж. Лакоффа начинается фразой *Metaphors can kill* (Метафоры могут убивать). Если метафора не просто фигура речи, а механизм нашего мышления, то она действительно играет важную роль в мире политики, а метафоры не только «могут убивать», но и примирять или, по крайней мере, могут помочь избежать конфликта. В этом контексте исследование политической метафорики, особенно в иных культурах, содержит в себе значимый гуманистический смысл.

Межнациональные различия в актуализации политических метафор прослеживаются не только при анализе специфики национальной картины мира, но и при исследовании частотности или продуктивности метафорических моделей, характерных для всех сопоставляемых дискурсов. Например, израильские исследователи А. Абади и Я. Сакердоти, сравнив метафоры израильского и американского политических дискурсов, обнаружили, что метафорическая модель со сферой-источником «Война» более продуктивна и частотна в израильском дискурсе, в то время как спортивные метафоры более распространены в дискурсе США. Авторы объясняют полученные результаты тем, что жизнь рядовых израильтян в большей степени связана с армией, чем жизнь американцев. Постоянные арабо-израильские конфронтации находят выражение во всепроникающей милитаризации израильского общества. С другой стороны, в Израиле отсутствует характерный для США «культ спорта». В частности, количество популярных в США видов спорта значительно превосходит аналогичные показатели в Израиле [Abadi, Sacerdoti 2001].

Также в публикации Э.В. Будаева [2006], посвященной анализу метафорической концептуализации республик бывшего СССР в российском и британском политическом дискурсе, было показано, что метафоры родства характерны и для британской, и для российской политической коммуникации, но частотность метафор в значительной степени зависит от сферы-мишени метафорической экспансии. Например, в британском политическом дискурсе Латвия, Литва и Эстония регулярно представляются в качестве полноправных членов европейской семьи (братьев, невест, дочерей и т.п.), в то время как Россия не только не входит в европейскую семью, но и концептуализируется

как тюрьма народов, что очень далеко от образа семьи. Анализ российского политического дискурса обнаруживает противоположные результаты: прагматический потенциал сферы-источника «Родство» активно реализуется в российском политическом дискурсе для концептуализации сферы-мишени «Россия», но не задействован для осмысления сферы-мишени «Страны Балтии».

Продолжение сопоставительного исследования метафорических моделей, используемых в политическом дискурсе различных стран, позволит лучше разграничить, с одной стороны, закономерности, общие для всего цивилизованного мира или какой-то его части, а с другой — специфические признаки того или иного национального политического дискурса. Этот ракурс сопоставления является одним основных в политической метафорологии.

2. Социально-дискурсивное сопоставление. Второй ракурс сопоставления основывается на противопоставлении метафорики, актуализированной в дискурсах различных социальных групп; других внутринациональных общностей, объединяемых представлениями об идентичности; отдельных субъектов политической деятельности. Наиболее распространенными вариантами социально-дискурсивного сопоставления метафорики являются сравнение по профессиональному, идеологическому, идиолектному и гендерному критериям.

Сопоставление по **профессиональному** критерию тесно связано с противопоставлением политического и масс-медийного (журналистского) дискурса. При отборе текстовых материалов для исследования в политической лингвистике существует два полярных подхода — узкий и широкий. При узком подходе в качестве источников исследования используются только тексты, непосредственно созданные политиками и использованные в политической коммуникации. Такие тексты относятся к числу институциональных и обладают весьма существенной спецификой.

При широком подходе к отбору источников для исследования политической коммуникации используются не только тексты, созданные собственными политиками, но и иные тексты, посвященные политическим проблемам. Как справедливо отмечает П. Серио, не существует высказывания, «в котором нельзя было бы не увидеть культурную обусловленность и которое нельзя было бы тем самым связать с характеристиками, интересами, значимостями, свойствами определенному обществу или определенной социальной группе, их признающей в качестве своих. В любом высказывании можно обнаружить властные отношения» [Серио 2002: 21].

Учитывая диффузность границ между различными видами дискурсов, Е.И. Шейгал [2004] предлагает подходить к политическому дискур-

су как к полемому феномену, включающему центральные и периферийные компоненты. При таком подходе предполагается, что политический дискурс включает как институциональные, так и неинституциональные формы общения, в которых к сфере политики относится хотя бы одна из трех составляющих: субъект, адресат или содержание сообщения [Шейгал 2004: 18-32]. При этом важно учитывать, что содержание сообщения нередко соотносится со сферой политики имплицитно. Как отмечает Дж. Юл, исследование дискурса направлено на изучение того, что не сказано или не написано, но получено (или ментально сконструировано) адресатом в процессе коммуникации. Необходимо обнаружить за лингвистическими феноменами структуры знания (концепты, фоновые знания, верования, ожидания, фреймы и др.), т.е. исследуя дискурс, «мы неизбежно исследуем сознание говорящего или пишущего» [Yule 2000: 84].

При полевом подходе специалисты разграничивают прежде всего институциональный политический дискурс, в рамках которого используются только тексты, созданные политиками (парламентские стенограммы, политические документы, публичные выступления и интервью политических лидеров и др.), и масс-медийный (медийный) политический дискурс, в рамках которого используются преимущественно тексты, созданные журналистами и распространяемые посредством прессы, телевидения, радио, интернета.

Масс-медийный политический дискурс создается преимущественно профессиональными журналистами, но в нем так или иначе могут отражаться коммуникативные практики политиков и даже рядовых граждан.

Идиолектный критерий связан с сопоставлением метафорики, актуализированной различными политиками, а также другими субъектами дискурсивной деятельности.

Перспективы исследования концептуальной метафоры в идиолектах политиков были намечены еще в 1980 г. Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, которые рассмотрели милитарную метафору Дж. Картера и ее следствия [Лакофф, Джонсон 2004: 184-186]. Однако комплексные сопоставительные исследования по идиолектному критерию стали появляться только спустя четверть века.

Среди публикаций, использующих данный ракурс рассмотрения метафорики, можно отметить исследование скандинавских ученых [Heradstveit, Bonham 2005]. Изучая влияние политической метафоры Дж. Буша «Ось зла» на иранское сознание, они рассмотрели интервью с 32 представителями иранской политической элиты (в том числе оппозиционной) в 2000 и 2002 гг. В процессе исследования было обнаружено, что эта метафора вызвала недоумение большинства респондентов и была воспринята

как «удар в спину» (Иран помогал США в войне в Афганистане), «убийство нарождающегося диалога между США и Ираном». Метафора Дж. Буша сплотила иранское общество и вместе с тем создала удобные условия для усиления ультрарадикальных и консервативных сил.

Ярким примером сопоставления по идиолектному критерию является монография Дж. Чартериса-Блэка [Charteris-Black 2004]. Британский лингвист проанализировал риторику англоговорящих политиков и показал, как метафоры регулярно используются в их выступлениях для актуализации нужных эмотивных ассоциаций и создания политических мифов о монстрах и мессиях, злодеях и героях. Вместе с тем сопоставление позволило Дж. Чартерису-Блэку выявить предпочтения конкретных политиков в выборе той или иной сферы-источника для концептуализации политической действительности.

Сопоставительное корпусное исследование метафор в выступлениях лидеров европейских государств провел чешский лингвист П. Друлак [Druřák 2004]. Ученому удалось показать, что метафоры политиков отражают их видение политической ситуации независимо от желания участников коммуникации эксплицитно высказать свои интенции.

Идеологический критерий социально-дискурсивного ракурса анализа связан с сопоставлением метафоры, характерной для сторонников разных политических взглядов, приверженцев различных методов решения определенных политических проблем. Довольно распространены исследования, связанные с изучением радикалистского, расистского, анти-террористического и милитаристского дискурсов [Будаев, Чудинов 2009]. Вместе с тем сопоставление между метафорами разных идеологических групп зачастую приходится делать на основании сравнения результатов нескольких исследований. Существует гораздо меньше публикаций, авторы которых проводили бы сопоставление нескольких дискурсов в рамках одного исследования.

К таким исследованиям относится диссертация Красильниковой [2005], в которой на основе анализа российских, британских и американских метафор, актуализированных для осмысления экологических проблем, проанализированы общие и специфические черты в категоризации действительности по оппозиции СВОИ – ЧУЖИЕ.

Другой пример применения идеологического критерия в социально-дискурсивном ракурсе анализа представлен Л. К. Никифоровой [2010]. В ее исследовании были выявлены особенности использования метафор сторонниками и противниками атомной энергетики. Так как исследование проводилось на примере трех национальных дискурсов (российского/советского, французского и немецкого), важным результатом исследования стал вывод о том, что идео-

логические позиции могут определять общность метафоры в большей степени, чем принадлежность к определенному культурному сообществу. К примеру, было показано, что в метафорическом репертуаре немецких, французских и российских противников развития атомной энергетики было больше общего, чем между сторонниками и противниками внутри одного национального дискурса.

Важным аспектом социально-дискурсивного анализа является **гендерное** сопоставление. Многие исследователи отмечают, что важное место в осмыслении политики занимает концептуальная метафора ГОСУДАРСТВО – ЭТО ЧЕЛОВЕК [Скребцова 2002; Чудинов 2001; Chilton, Lakoff 1995; Lakoff 1991; Luoma-aho 2002]. Государства представляются как сообщество людей, в котором каждый человек обладает своим характером, привычками, законопослушностью. В этом сообществе есть свои правонарушители и полицейские, лидеры и изгои и т.п. Можно утверждать, что в политическом дискурсе данная концептуальная метафора может получать гендерное измерение и разворачиваться в вариантах ГОСУДАРСТВО – ЭТО ЖЕНЩИНА и ГОСУДАРСТВО – ЭТО МУЖЧИНА, а также НАЦИЯ – ЭТО ЖЕНЩИНА, НАЦИЯ – ЭТО МУЖЧИНА и СТРАНА – ЭТО ЖЕНЩИНА, СТРАНА – ЭТО МУЖЧИНА. Более того, в зависимости от культурных традиций того или иного общества эти концептуальные метафоры согласуются с различными прототипами и зачастую обладают прямо противоположными оценочными смыслами. Особенно рельефно эти различия проявляются при метафорическом представлении «чужого» в политическом дискурсе стран Запада и Востока.

Одна из самых распространенных метафор в политическом дискурсе западных стран для представления врага или чужого – это метафора насильника, агрессивного мужчины, от которого нужно защитить слабую и подвергающуюся насилию женщину. Например, в статье Т. Рорера [Rohrer 1995] проанализированы метафоры, используемые президентом Дж. Бушем для концептуализации политической ситуации в Персидском заливе в период с августа 1990 г. по январь 1991 г. Президент США регулярно описывал иракскую аннексию через метафоры государства-насильника (Ирака) и государства-жертвы (Кувейта). Как отмечает Т. Рорер, американцы поверили метафоре «изнасилования Кувейта», потому что Дж. Буш неоднократно ссыался на доклады о реальных изнасилованиях и грабежах, имевших место в Кувейте в связи с иракской аннексией. В обществе людей всякое преступление должно караться не только ради жертвы преступления, но ради всего общества, заключившего общественный договор. Дж. Буш развивает метафору ГОСУДАРСТВА – ЭТО СООБЩЕСТВА ЛЮДЕЙ метафорой МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА – ЭТО ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР. Следуя этой логике, агрессия

Ирака – это преступление не только против Кувейта, но и против общественного договора, т.е. против всех законопослушных людей-государств, которые и должны наказать дикаря-насилльника. Подобные выводы о противопоставлении насилльника и жертвы получали и другие исследователи американской метафористики, связанной с кризисами в Персидском заливе [Lakoff 1991; Bates 2004].

Подобная гендерно ориентированная модель характерна и для метафорического представления внутривнутриполитических отношений. В монографии А.П. Чудинова [2001] продемонстрировано, что в российском политическом дискурсе распространены образы сексуального насилия или же, наоборот, сексуального бессилия (импотенции, кастрации), приносящие негативные эмотивные смыслы в концептуализацию отношений между субъектами политической деятельности. Для политического дискурса США характерно представление политических оппонентов в качестве сексуальных маньяков, насилующих страну и народ [Adamson et al. 1998].

Оценочные смыслы, которые приносят метафорическая проекция из гендерной модели на политические отношения, укоренены в общественном сознании и соотносятся с моральными ценностями той или иной культуры. Как показывает обзор исследований, в политическом дискурсе стран Запада доминирует тактика *метафорической маскулинизации «чужого»*, направленная на активизацию императива противодействия аморальному врагу. Согласно метафорической логике такого описания мира политики, враг (насилующий женщин) силен, представляет опасность для цивилизованного общества, поэтому нужна максимальная мобилизация ресурсов для сохранения традиционных культурных ценностей и восстановления справедливости.

Несколько иначе гендерный аспект проявляет себя в метафорах исламских государств Востока. Как показывает Р. Сайгол [Saigol 2000], знание о том, что женщина физически слабее мужчины, используется в современном пакистанском политическом дискурсе для метафорического представления «чужого», особенно часто Индии (традиционного соперника Пакистана). В представлении пакистанцев их государство – это взрослый мужчина-мусульманин, а Индия – это женщина. Следовательно, враг слаб и не способен оказать серьезное сопротивление, а поэтому в случае военного конфликта он будет легко повержен. Для акцентирования этого гендерного образа активно используются и другие языковые средства. Как показывает Р. Сайгол, подбор и интерпретация фактов согласуется с доминирующим метафорическим образом. Например, метафорическая феминизация Индии сопровождается указанием на тот факт, что в некоторых районах Индии до сих пор существуют «неправильные» и «от-

вергнутые всем миром» матриархальные семьи, в которых женщина – глава семьи, а дочери наследуют имущество. Индийским мужчинам не хватает маскулинности, они не могут справиться со своими женщинами и не представляют собой серьезной военной силы.

В другом исследовании Р. Сайгол [2003] показано, что в период правления Айюб Хана (1958-64) «плохое прошлое» Пакистана связывалось с бесплодием и стерильностью, а грядущий прогресс и интеграция пакистанского общества ассоциировались с возмужанием, сексуальной потенцией и «мужским характером», что в частности проявилось в военном конфликте с Индией. Как показывает исследователь, устойчивость гендерных стереотипов при осмыслении мира политики во многом связана с их воспроизводством в образовательном дискурсе, с формированием подобных представлений у подрастающего поколения.

Как показывает Э. Билгин, в турецкой культуре Оттоманского периода доминировала метафора чужого-как-женщины и соответственно Запада-как-женщины. Согласно этой метафоре, вестернизация Турции рассматривалась как ее феминизация, а гендерная парадигма осмысления мира стала способом сохранения культурных традиций и противостояния западному влиянию. Например, в представлении оттоманской элиты, молодежь, перенимавшая западный образ жизни, перенимала «женские привычки», представляла собой угрозу «отеческой власти» и символизировала «демаскулинизацию» Турции [Bilgin 2004: 63-108].

Также в современной Турции политические оппоненты во многом опираются на традиционные ценности. После революции М. Кемаля в турецкой политике наблюдается противостояние исламистов (сторонников сохранения традиционных ценностей) и кемалистов (приверженцев продолжения курса на модернизацию Турции). В дискурсе исламистов по-прежнему активно используется тактика феминизации Запада и его материалистического и механистического мира в противовес одухотворенному, «дефеминизированному» и коллективистскому Востоку [Bilgin 2004: 217]. Показательно, что гендерная модель играет важную роль и в дискурсе кемалистов, которые настаивают на продолжении модернизации турецкого общества и опираются на программу расширения прав женщин. В дискурсе кемалистов активно используется метафора «Отца и дочерей», сменившая традиционную оттоманскую метафору «Отца и сыновей». Вместе с тем «идеализированные дочери» кемалистского дискурса подвергаются дефеминизации и десексуализации, становятся «товарищами по оружию» в политической борьбе.

Вполне закономерно, что культурные метафорические стереотипы сохраняются и у иммигрантов из исламских государств. В этом от-

ношении показательна диссертация Б. Кэндела [Candel 2005], в которой показано, что среди метафор, используемых британскими и шведскими мусульманами, значимое место занимает концепт «недостаточной маскулинности» европейского ислама.

Как показывает обзор исследований, в политическом дискурсе исламских государств доминирует тактика *метафорической феминизации* «чужого», направленная на дискредитацию и умаление качеств политического оппонента, что контрастирует с метафорическими средствами концептуализации чужого (маскулинизации) в политическом дискурсе стран Запада и России.

Другим аспектом изучения специфики гендерной политической метафористики является вопрос о влиянии мужской и женской картины мира на концептуализацию политики в дискурсе СМИ. В политике традиционно доминировали мужчины, поэтому и понятия для метафорического описания политической деятельности привлекались из традиционных мужских занятий, таких как война и спорт. Среди первых исследователей, обративших внимание на этот аспект политической метафористики, был Н. Хоув [Howe 1988]. Проанализировав американские политические метафоры 1980-1985 гг., Н. Хоув пришел к выводу о том, что наиболее укорененные и распространенные в американской культуре политические метафоры относятся к мужским занятиям.

Усилия феминистских исследователей также направлены на выявление гендерного характера агрессивности политической метафористики и демонстрацию того, что конфронтационные метафоры не оставляют возможности для поиска консенсуса и компромисса, столь необходимых в сфере политики. Как отмечает Дж. Фиске, «военные и спортивные метафоры конструируют политику как конфликт между партиями, а не как сферу общественной деятельности, направленную на улучшение благосостояния народа» [Fiske 1987: 291].

Феминистские исследования высвечивают еще одно следствие из доминирования «мужских» метафор агрессии и конфронтации в политическом дискурсе: такие метафоры воспроизводят в общественном сознании представление о политике как о мужском деле, в котором не остается места для женщин-политиков. Традиционно сфера политической деятельности считалась мужским занятием, но в современном мире женщины все чаще принимают активное участие в политической жизни общества, занимают высокие государственные должности, в том числе возглавляют государства и правительства. Вместе с тем одни и те же фреймы «мужского метафорического нарратива» по-разному концептуализируют и оценивают политиков-женщин и политиков-мужчин.

Например, в исследовании Э. Гиденгил и Дж. Эверитт [Gidengil, Everitt 1999] анализиру-

ется проблема воздействия «мужского нарратива» на метафорическое описание женщин-политиков в канадских СМИ. Для выявления гендерной специфики политической метафористики Э. Гиденгил и Дж. Эверитт сравнивали метафорическое представление участников канадских политических дебатов 1993 г. в СМИ с действительным поведением оппонентов.

Для анализа агрессивности поведения в дебатах использовалась методика Р. Тименса и Д. Моньер, согласно которой для количественного выражения агрессии политика нужно учитывать определенные маркеры. Например, учитывается, как часто оппоненты используют местоимение *you* (ты, вы), как часто перебивают друг друга и используют сжатый кулак как жест для акцентирования своих тезисов. Получив, хотя и условное, но некое количественное выражение агрессии оппонентов, исследователи сравнили эти данные с агрессивностью метафорических образов, связываемых журналистами с четырьмя участниками теледебатов – двумя мужчинами и двумя женщинами. Как выяснилось, агрессивность женщин-политиков в целом была меньше, чем у их оппонентов-мужчин. Однако метафор, актуализирующих агрессивные смыслы при описании их поведения на дебатах, было зафиксировано больше, чем при освещении поведения политиков-мужчин. Примечательно, что когда уровень агрессии женщин снизился, они по-прежнему описывались в теленовостях как более агрессивные, чем их оппоненты-мужчины.

Авторы утверждают, что когда женщины принимают мужской стиль поведения, чтобы соперничать в борьбе за власть, они изображаются в СМИ как более агрессивные, чем мужчины, потому что их политическая активность вступает в противоречие с глубоко укорененными представлениями о присущем женщине поведении. Мы не ассоциируем женщин с полем боя или боксерским рингом, соответственно женщины не обладают необходимыми для политики качествами. Особенно наглядно это проявляется в метафорах, убеждающих адресата в женской политической «некомпетентности». Как показывают Э. Гиденгил и Дж. Эверитт, в метафорическом освещении канадских теленовостей женщины, которые решили поучаствовать в «спортивном состязании» или «военной стычке», могли «забить гол в собственные ворота» или «прострелить себе ногу».

Впоследствии Э. Гиденгил, Дж. Эверитт подтвердили эти выводы на примере трех канадских политических теледебатов с участием женщин [Gidengil, Everitt 2003]. В жанре политических дебатов женщины регулярно описываются как более агрессивные, чем их оппоненты-мужчины, хотя женщины, которые участвовали в дебатах не в первый раз, уже в меньшей степени притягивали агрессивные метафоры. Также женщинам-политикам часто не остается

места в мужских фреймах: женщина в спорте-политике не может «закрутить мяч» или «просто отсиживается на скамейке запасных». В лучшем случае женщины «начинают футбольную атаку», но только мужчины «бьют по воротам».

В этом же исследовании Э. Гиденгил и Дж. Эверитт установили, что при освещении политических событий женщины-журналистки использовали агрессивные метафоры не реже, а иногда даже и чаще, чем их коллеги-мужчины. Процессы построения «мужского нарратива» протекают бессознательно, хотя авторы новостей и считают, что они освещают события объективно.

Полученные Э. Гиденгил и Дж. Эверитт данные, вероятно, имеют универсальный характер. К похожим выводам приходят и другие исследователи особенностей метафорического представления женщин-политиков. Дж. Вэй [Wei 2001], изучив метафорику тайваньского политического дискурса, пришла к выводу, что в отличие от политиков-мужчин политики-женщины описываются в СМИ или как очень агрессивные, или как недостаточно женственные, что, в общем, согласуется с выводами ее канадских коллег.

При неоспоримых достижениях феминистских исследований в области политкорректности иногда приходится констатировать, что маятник сильно качнулся в другую сторону. По верному замечанию С.Г. Тер-Минасовой, политическая корректность иногда доходит до крайностей, «становится предметом насмешек, развлечения, юмора» [Тер-Минасова 2004: 283]. Действительно, довольно странными представляются требования заменить history на herstory или бороться с «ненавистным сексистским суффиксом», отображая в написании women как womup или wimmin. Подобные крайности можно обнаружить и в исследованиях метафоры. Например, Дж. Малшецки призывает бороться с милитарными метафорами прессы, являющимися чуть ли не традиционным средством обучения мальчиков и юношей феминизму (femicide) [Malszecki 1995].

Итак, гендерная модель осмысления мира привносит как универсальные, так и культурно-специфические характеристики в понимание политической действительности. Последние выражаются в различии между доминирующими тактиками метафорической оценки «чужого» в политическом дискурсе стран с гетерогенными культурными традициями. Также гендерная специфика политической метафоры выражается в преобладании «мужской картины мира» при осмыслении политической действительности, связанного с традиционным доминированием мужчин в сфере политической деятельности. Наконец, противопоставление мужского и женского начал является часто не осознаваемым, но действенным способом метафориче-

ского конструирования политической картины мира и ее переконцептуализации в сознании адресата политической коммуникации.

3. Диахроническое сопоставление. Прежде всего, необходимо разграничить *диахронический* и *ретроспективный* анализ. Предметом диахронического анализа является процесс изменения политической метафоры во времени. Цель диахронического анализа заключается в фиксации темпоральных изменений (или констатации отсутствия таковых) в изучаемых явлениях. Ретроспективный анализ направлен на анализ политической метафоры, задействованной в определенный исторический период. По сути, предмет ретроспективного анализа совпадает с предметом анализа синхронического. И в том, и в другом случае изучаются нетемпоральные закономерности. Различие же лежит в материале, выбираемом лингвистом для изучения. В синхроническом исследовании анализируется современный материал, в ретроспективном – метафоры других исторических периодов. Иными словами, ретроспекция – это синхрония, опрокинутая в прошлое.

Из разграничения этих двух подходов следует, что диахронический метод априори сопоставительный, потому что едва ли возможен анализ изменений в определенной системе без сопоставления промежуточных состояний системы. На различиях в подходах к анализу этих промежуточных состояний выстраиваются разновидности диахронического изучения политической метафоры.

В диахроническом исследовании выделяется *континуальный* и *дискретный* анализ. В первом случае исследуется диахроническая вариативность метафоры, задействованной за выбранный период времени. Этот подход может применяться в тех случаях, когда продолжительность выбранного периода времени не очень велика. Дискретный анализ используется в тех случаях, когда рассматриваемый период настолько велик, что приходится делать выборку метафор из отдельных периодов (именно так и поступила К. де Ландтсхеер в своем известном исследовании [De Landtsheer 1991]).

При диахроническом исследовании необходимо осуществлять *фрагментацию дискурса*, т.е. делить период времени на определенные сегменты, показатели которых планируется сопоставлять. Фрагментация бывает *фокусной* и *равномерной*.

При *равномерной фрагментации* временной отрезок делится на равные части, называемые шагом фрагментации. Шаг фрагментации может быть различным. Обычно он равен году, но вполне возможен шаг фрагментации равный месяцу, неделе и другим периодам времени. Сопоставление данных из разных сегментов позволяет получать новые данные о диахроническом функционировании метафори-

ки. Особенно любопытны сопоставления данных, полученных на одном и том же материале, но с применением разного шага фрагментации.

При фокусной фрагментации разбиение временного периода связано с определенными политическими событиями, а шаг фрагментации не привязан к хронологии в астрономическом понимании. Практически исследователи определяют эти периоды как «до» и «после» определенного политического события (примером может служить исследование А.Н. Баранова [Баранов 2003]).

Не следует смешивать фрагментацию и дискретный анализ, которые являются совершенно разными методологическими приемами. Во-первых, дискретный анализ применяется из-за невозможности, нецелесообразности, большой трудоемкости континуального анализа. Фрагментация же есть разбиение временной оси на сегменты для изучения отдельных состояний системы, что никак не связано с вышеописанными техническими сложностями. Во-вторых, при дискретном анализе отсекается часть материала, осуществляется выборка материала из определенного континуума, при фрагментации материал просто особым образом структурируется. В третьих, дискретный анализ может проводиться как с применением фрагментации, так и без нее. В свою очередь, фрагментация может быть использована как в дискретном, так и в континуальном анализе.

В наиболее общем виде сопоставительное исследование политической метафорики направлено на анализ двух взаимодополняющих свойств системы политических метафор: архетипичности и вариативности.

Первое свойство выражается в том, что система политических метафор имеет устойчивое ядро, не меняется со временем и воспроизводится в политической коммуникации на протяжении многих веков. Статичность политической метафорики послужила основой для первых опытов по теории политических метафор в XX в., но нередко это свойство абсолютизировалось в духе культурно-временного универсализма. Согласно такой точке зрения, и в Древней Греции, и в средневековой Европе, и в любой стране современного мира политические метафоры остаются неизменными, отражают устойчивые детерминанты человеческого сознания или архетипы коллективного бессознательного. Применительно к политическим метафорам эта точка зрения была последовательно сформулирована М. Осборном и его единомышленниками в теории архетипичных метафор. М. Осборн в основном опирался на методологию бихевиоризма, хотя в принципе подобные выводы могут находить методологическое основание в разных теориях (структурализм В.Я. Проппа, историческая поэтика А.Н. Веселовского, аналитическая психология К.Г. Юнга, экспериенциальный реализм и теория «телесного разума» Дж. Лакоффа и М. Джонсона).

Действительно, многие метафоры фиксируются исследователями в разных культурах и в разные времена. К примеру, метафоры болезней на протяжении долгого времени используются в разных обществах для представления Чужого, угрожающего здоровью общественного организма. Так, Дж. Харрис [Harris 1998] показал, что в эпоху королевы Елизаветы и короля Якова I были очень распространены метафоры болезни Англии, а причины этих болезней общества усматривало в «чужеродных телах»: евреях, ведьмах, католиках. Подобные метафоры обнаруживаются и сто лет спустя в риторике Адольфа Гитлера [Мусолфф 2006; Rash 2005], и в современном политическом дискурсе, в котором морбиальные метафоры – значимое средство осмысления действительности и дискредитации политических оппонентов во многих странах [Муране 2002; Санцевич 2003; Чудинов 2001; Шмелева 2001 и др.]. Конечно, сферамишень для морбиальных метафор варьируется в различные эпохи. Если в эпоху королевы Елизаветы католики могли метафорически представляться причинами заболеваний, то до реформы Генриха IV или в период правления Марии Кровавой вряд ли, но аргументативный потенциал сферы-источника активно используется в разные исторические эпохи и в разных странах.

Архетипичность политической метафорики получила оформленный характер в теории концептуальной метафоры, согласно которой механизмы метафоризации бессознательны и определяются физическим опытом взаимодействия человека с окружающим миром. Таким образом, важным основанием для метафорического универсализма стала анатомо-физиологическая общность представителей *homo sapiens*, до некоторой степени предопределяющая закономерности мышления. Вместе с тем критики теории концептуальной метафоры нередко забывают, что согласно теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона концептуальные метафоры согласованы с основными концептами той или иной культуры, что в принципе не только преодолевает недостатки культурного универсализма, но и не исключает диахронической вариативности политической метафорики.

Вариативность системы политических метафор имеет два ракурса рассмотрения.

1. Корреляции между изменением политической ситуации и количеством метафор в политическом дискурсе.

2. Доминирование отдельных метафор и метафорических моделей в различные исторические периоды.

Отправной точкой для первого направления послужила работа Х. Де Ландтсхеер [De Landtsheer 1991], в которой было доказано, что между частотностью метафор и общественными кризисами существует взаимозависимость. В ходе исследования голландского политического дискурса Х. Де Ландтсхеер удалось пока-

зять, что количество метафор увеличивается в периоды общественно-политических кризисов. Эти наблюдения послужили подтверждением того, что метафора является важным средством разрешения проблемной ситуации, и впоследствии легли в основу комбинаторной теории кризисной коммуникации (CCC-theory).

Исследования в этом направлении проводились и в российской лингвистике. Еще А.Н. Баранов во вводной статье к «Словарю русских политических метафор» [1994] отмечал, что метафоричность политического дискурса существенно возросла в период перестройки и снизилась в постперестроечный период, а в другой работе А.Н. Баранов [2003] с помощью методов контент-анализа подтверждает положение о том, что метафора является важным инструментом формирования множества альтернатив разрешения проблемной ситуации. Исследователь доказывает связь параметров креативности и относительной частоты употребления метафор в политическом дискурсе с общественно-политическим кризисом на примере лингвистического мониторинга политических метафор периода августовского кризиса 1998 г.

Второе направление в изучении вариативности политической метафоры определяется тем, что ученого интересует не степень метафоричности политического дискурса, а конкретные понятийные сферы, доминирующие метафоры той или иной эпохи, их динамика в связи с изменением политической ситуации. Так, в уже упоминавшемся исследовании Х. Де Ландтсхеер [De Landtsheer 1991] было доказано, что в периоды экономических кризисов увеличивается количество метафор смерти и болезни, а при экономическом росте преобладают метафоры природы.

Как показывают исследования этого направления, даже самые устойчивые и укорененные понятийные области претерпевают с течением времени изменения: доминируют или отходят на второй план. Например, А. Харви [Harvey 1999] проследил историю политической метафоры «Государство – это организм» и показал, что подобное осмысление государства – одна из древнейших метафор человечества. Развертывание антропоморфной метафорической модели обнаруживается уже в древних священных текстах. В Ригведе описывается, что священство произошло из рта проточеловека, воины – из его рук, пастухи – из бедер, земледельцы – из ступней. В Ветхом Завете пророк Данииел, трактуя пророческий сон Навуходоносора, использует метафору человеческого тела. Прагматический потенциал политической антропоморфной метафоры использовался и в Древнем мире, и в текстах периода Средних веков, и в Новое время. Например, Иоанн Солсберийский предлагал следующую метафорическую картину государства: принц –

голова; органы управления – сердце; судьи – глаза, уши и язык; солдаты – руки; крестьяне – ступни ног; сборщики налогов – желудок. Метафору «Государство – это организм» использовали Ф. Сидней, Б. Барнс, Ф. Бэкон, Т. Гоббс и другие мыслители, и все-таки в эру индустриальной революции антропоморфную метафору значительно потеснили метафоры механизма.

Смена метафоры особенно заметна в периоды общественно-политических преобразований. В этом отношении заслуживает внимания работа американского ученого Р.Д. Андерсона, направленные на анализ динамики политической метафоры в период демократизации общества. В публикации «The Discursive Origins of Russian Democratic Politics» [Anderson 2001] автор излагает дискурсивную теорию демократизации, суть которой состоит в том, что истоки демократических преобразований в обществе следует искать в дискурсивных инновациях (под дискурсом автор понимает совокупность процедур по созданию и интерпретации текстов, под текстом – единичное коммуникативное событие), а не в изменении социальных или экономических условий. По Р.Д. Андерсону, при смене авторитарного дискурса власти демократическим дискурсом в массовом сознании разрушается представление о кастовом единстве политиков и их «отделенности» от народа. Дискурс новой политической элиты элиминирует характерное для авторитарного дискурса наделение власти положительными признаками, сближается с «языком народа», но проявляет значительную вариативность, отражающую вариативность политических идей в демократическом обществе. Всякий текст (демократический или авторитарный) обладает информативным и «соотносительным» значением. Когда люди воспринимают тексты политической элиты, они не только узнают о том, что политики хотят им сообщить о мире, но и о том, как элита соотносит себя с народом (включает себя в социальную общность с населением или отделяется от народа). Для подтверждения этой теории Р.Д. Андерсон обращается к анализу советско-российских политических метафор. Материалом для анализа послужили тексты политических выступлений членов политбюро 1966-1985 гг. (авторитарный период), выступления членов политбюро в год первых общенародных выборов (1989 г.) (переходный период) и тексты, принадлежащие известным политикам различной политической ориентации периода 1991-1993 гг. (демократический период). Р.Д. Андерсон исследовал частотность нескольких групп метафор, по которым можно судить о том, как коммунистическая элита соотносит себя с остальным населением СССР. Среди них метафоры размера (*большой, крупный, великий, широкий, титанический, гигантский, высокий* и т.п.), метафоры патернализма и субординации (*воспитание, задача,*

работник, строительство, образец). Р.Д. Андерсон пришел к выводу, что частотность этих метафор уменьшалась по мере того, как население начинало самостоятельно выбирать представителей власти. В новых условиях на смену «вертикальным» метафорам пришли «горизонтальные» метафоры. Примерами последних могут служить такие метафоры, как *диалог* (в авторитарный период метафора использовалась только по отношению к международной политике), *спектр*, *цветовые метафоры*, *ориентационные метафоры горизонтального расположения (левые, правые, сторонники, противники)*. К примеру, с появлением ориентационных метафор *левый* и *правый* у населения появилась свобода политического выбора, возможность «горизонтальной» самоидентификации с политиками тех или иных убеждений, что, по мнению исследователя, служит свидетельством демократизации общества. Основываясь на этих данных, Р.Д. Андерсон приходит к выводу, что характерные для дискурса авторитарного периода метафоры гигантомании и патернализма присущи монархическому и диктаторскому дискурсу вообще, в силу чего пространственные метафоры субординации можно считать универсальным индикатором недемократичности общества. Исследователь провел важный для своего главного теоретического вывода историко-политологический анализ, показывая, что процессы демократизации общества наблюдаются как в странах, испытывающих большие экономические трудности, так и в экономически высокоразвитых странах. Особенно подчеркивается, что смена политических метафор предшествует процессу демократизации, из чего делается вывод о том, что метафоры обладают каузальной силой. Чтобы опровергнуть это положение, отмечает автор, необходимо продемонстрировать общество, в котором процессу демократизации не предшествовали бы изменения в системе политических метафор, или найти третий фактор, всегда предвосхищающий изменение системы метафор и процесс демократизации, чего никому пока не удалось сделать.

Если использовать терминологию теории концептуальной метафоры, Р.Д. Андерсон исследовал ориентационные метафоры. Примером анализа динамики структурных метафор в период перехода к демократии может служить монография Збигнева Хейнтзе, в которой помимо исследования изменений в польском политическом языке конца 20 века рассматриваются закономерности эволюции политических метафор в их связи с изменениями в польском обществе [Heintze 2001].

Как указывает З. Хейнтзе, накануне демократических преобразований в Польше отмечается резкая милитаризация языка коммунистической пропаганды. Множество метафор из военной сферы явилось реакцией коммунистической элиты на активизацию демократического

движения, стало средством формирования образа коварного врага, с которым народ и коммунистическая партия должны вести войну. Метафоры войны не исчезли и после прихода к власти Л. Валенсы. Поляки продолжали свержать «последний бастион коммунизма», «захватывать позиции», предпринимать «тактические действия» и «торпедировать законопроекты», но уже не в такой степени, как раньше. Желание борьбы ослабло, а общество стремилось заменить все опустошающую войну на здоровое соперничество, чему в немалой степени способствовал переход к многопартийной системе.

Политическую систему в первые годы переходного периода З. Хейнтзе называет системой «многопартийной раздробленности». В те времена даже появился анекдот: «где два поляка – там три политические партии». Такое положение дел стало поводом для упорной борьбы, напоминающей о дарвинистской борьбе за существование, целью которой было попасть в парламент и удержаться в нем. Ситуация изменилась с введением 5%-го барьера, что заставило партии объединяться и ограничило число политических объединений. Открытая враждебность и непримиримость пошли на убыль, и политики стали искать не врагов, а союзников, начали объединять силы и вспомнили о «компромиссе» и «консенсусе». Соответственно в политическом дискурсе этого периода отмечается преобладание метафор разумного соперничества, особенно метафор, связанных со спортом и игрой.

Как показывает данный обзор, исследование политической метафорики в исторической перспективе свидетельствует о наличии двух свойств системы политических метафор: архетипичности и вариативности. Вариативность системы политических метафор проявляется в динамике уровня метафоричности политического дискурса и в изменении доминирующих метафорических моделей в определенные исторические эпохи и другие временные интервалы.

4. Мультимодальное сопоставление. С момента возникновения теории концептуальной метафоры исследователи политической семиотики по вполне понятным причинам сосредоточили внимание на выявлении концептуальных метафор, объективированных в виде метафорических выражений в политическом дискурсе. Вместе с тем определение онтологического статуса концептуальной метафоры поставило закономерные вопросы о корреляциях когнитивных структур со всем семиотическим пространством политической коммуникации. Внимание исследователей все чаще начинают привлекать и другие, невербальные источники данных о политических метафорах (карикатуры, агитационные плакаты, картины, жесты и др.). Как отмечает Е. Эль Рефайе, «механизмы, лежащие в основе метафоры, существуют в сознании независимо от языка», и более того,

«иногда способны передавать сложное сообщение в более непосредственной и сжатой форме, нежели язык» [El Refaie 2003: 76].

Анализ невербальной политической метафоры имеет некоторую традицию, и в современных исследованиях можно выделить две разновидности сопоставительного анализа мультимодальной метафорики: сопоставительные исследования вербальной и невербальной метафорики (представленной в различных источниках) и исследования метафор в креолизованных текстах.

Сопоставительные исследования позволяют получать интересные выводы и показывают, что многие невербальные политические метафоры имеют аналоги в метафорических выражениях политического дискурса. Однако наибольший интерес представляют работы, авторы которых сопоставляют вербальные и невербальные политические метафоры в рамках одного исследования. Это позволяет достоверно проследить, как при осмыслении определенных событий концептуальная политическая метафора реализуется на вербальном и невербальном уровнях политической семиотики.

В этом отношении очень показательным исследование Б. Бергена [Bergen 2004]. Для определения корреляций между вербальной и невербальной политической метафорикой Б. Берген проанализировал метафорические образы в политических карикатурах, появившихся в течение недели после событий 11 сентября 2001 года. Изучив 219 политических карикатур, Б. Берген сопоставил их с метафорами, связанными с политическим нарративом «Террористические атаки 11 сентября 2001 года», из банка данных Дж. Лакоффа. Согласно Дж. Лакоффу, в осмыслении этих событий доминировали несколько концептуальных метафор: ГОСУДАРСТВО – ЭТО ИНДИВИД, АМОРАЛЬНЫЕ ЛЮДИ – ЭТО НИЗШИЕ ЖИВОТНЫЕ, 11 СЕНТЯБРЯ – ЭТО ПЕРЛ-ХАРБОР и СКАЗКА О СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЕ. Как оказалось, в политических карикатурах этого периода доминировали метафорические образы, выявленные Дж. Лакоффом. Как демонстрирует Б. Берген, террористы изображались в образе тараканов, а Усама бен Ладен в образе огромной крысы, что соотносилось с концептуальной метафорой АМОРАЛЬНЫЕ ЛЮДИ – ЭТО НИЗШИЕ ЖИВОТНЫЕ. Соответственно США часто представлялись в виде человека (дяди Сэма), которому в спину воткнули нож с надписью «terrorism», но который остался жив и готов к мщению. На другой карикатуре из шляпы человека-США идет дым и т.п. Также очень распространенной оказалась метафора 11 СЕНТЯБРЯ – ЭТО ПЕРЛ-ХАРБОР. Например, на одной из карикатур был изображен окутанный дымом Нью-Йорк, а изображение сопровождалось прецедентной цитатой адмирала Ямамото, произнесенной им после атаки на Перл-Харбор. На другой карикатуре изображены башни Ми-

рового торгового центра, которые тонут в океане, словно разбомбленный корабль, а в небе летит самолет, из которого доносятся крики «Terror!» (созвучные крикам «Taга!», с которыми японские летчики времен Второй мировой войны начинали воздушную атаку).

Метафорическая СКАЗКА О СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЕ могла отражаться с помощью образа средневекового рыцаря с американскими символами на щите, который сражается против дракона с надписью «terrorism». При этом у дракона видны в основном когти и зубы, что отражает трудность борьбы с невидимым противником.

Вместе с тем в неамериканских карикатурах эта сказка о справедливой войне часто представлялась иначе. Например, на одной из карикатур Дж. Буш изображался в одежде крестоносца с огромной, закрывающей глаза короной на голове, который с трудом волочит по земле огромный меч. Очевидно, что в сознании многих людей образ крестоносца не связан с универсальным смыслом восстановления справедливости, что и использовал автор карикатуры для привнесения сатирического смысла.

Таким образом, Б. Бергену удалось показать, что в основе осмысления определенных политических событий как в вербальных политических метафорах, так и в политических карикатурах лежат одни и те же концептуальные метафоры, что является значимым подтверждением первичности ментальной природы метафоры, которая объективируется на разных уровнях политической семиотики.

Интересным источником сведений о политической метафоре являются жесты политиков в их сопоставлении с метафорическими выражениями. Экспериментальное исследование по проверке гипотезы Дж. Лакоффа о том, что в основе «левого» и «правого» американского политического дискурса лежат две метафорические модели семьи, провел А. Ченки [Cienki 2004]. На материале текстов из предвыборных теледебатов Дж. Буша и А. Гора (2000 г.) А. Ченки и его коллега независимо друг от друга анализировали две группы выражений: собственно метафоры и метафорические следствия (entailments), апеллирующие к моделям Строгого Отца (SF) и Воспитывающего Родителя (NP). Как показал анализ, Дж. Буш в четыре раза чаще использовал метафоры модели SF, чем А. Гор. В свою очередь А. Гор в два раза чаще апеллировал к метафорам модели NP. Проанализировав метафорические следствия, А. Ченки указывает, что Дж. Буш опять же в 3.5 раза чаще обращался к модели SF. Вместе с тем исследование показало, что частотность обращения к модели NP у обоих оппонентов была очень близкой с небольшим перевесом у А. Гора (у Дж. Буша – 221, у А. Гора – 241). Эти результаты А. Ченки сопоставил с анализом жестов оппонентов и пришел к выводам, что

жесты Дж. Буша и А. Гора сильно различаются и соотносятся у Дж. Буша с моделью SF, а у А. Гора с моделью NP. При этом различия в апелляции к моделям семьи на паралингвистическом уровне оказались еще более показательными, чем на вербальном. Следует отметить, что, излагая результаты, автор не приводит бесспорных критериев соотнесения жестов с концептуальными метафорами двух анализируемых моделей и все-таки эти наблюдения наводят на мысль, что «жестовые» метафоры менее контролируемы, а потому более показательны.

Еще один подход к исследованию визуальных метафор – анализ корреляций между компонентами креолизованных текстов (т.е. текстов, состоящих из двух частей: вербальной и невербальной). Как показывают такие исследования, в основе вербальных и невербальных метафор лежат, по существу, одни и те же модели, но креолизация дает возможность не просто сложить, а значительно преумножить потенциал каждого из названных компонентов текста.

Примером такого подхода может служить раздел в диссертации Н.М. Чудаковой [2005]. Н.М. Чудакова проследила различные виды взаимодействия между вербальными метафорами из концептуальной области «Неживая природа» и иконическими компонентами креолизованных текстов и показала значимость визуального ряда в метафорическом представлении политической действительности. В частности, было продемонстрировано, что между метафорической системой и видеорядом креолизованного текста возникают или отношения взаимозависимости, при которой интерпретация визуальной части определяется доминирующей метафорической моделью в тексте, или отношения взаимодополнения, при котором изображение с метафорическим образом понятно без слов и может существовать самостоятельно.

Автор подчеркивает также тесную связь визуальных метафор с национальной культурой. Например, в современных СМИ широко представлен визуальный ряд традиционной русской концептуальной метафоры «гибель – это пропасть». Среди других концептуальных метафор из сферы-источника «Неживая природа», давших начало сериям карикатур, автор выделяет следующие: *дорога* (выбор дальнейшего пути развития), *земля и поле во время пахоты* (Россия), *солнце* (президент, власть, законодательство), *тучи* (опасность), *дождь* (неприятности), *горы* (политики), *термометр* (измерение народного недовольства), *зонтик* (защита) и т.д. Ключевые темы изображений чаще всего связаны с тем или иным абстрактным понятием, представляющим наибольшую сложность и противоречивость для возможных интерпретаций. Н.М. Чудакова отмечает, что благодаря двойному смыслу, возникающему при взаимо-

действии в креолизованном тексте знаний и оценок, актуализированных концептуальной метафорой и визуальным рядом данной метафоры, создается особая образность, усиливающая воздействие текста на адресата.

Изучение невербальной политической метафоры становится способом верификации постулата о когнитивной природе метафоры, дополняет результаты исследований вербальной метафорики и способствует более глубокому пониманию той роли, которую метафора играет в осмыслении и конструировании политической действительности.

Выделенные в настоящей статье ракурсы сопоставительного анализа политической метафорики имеют вполне отчетливые категориальные границы, вместе с тем это не исключает совмещения нескольких ракурсов в рамках одного и того же исследования. Сопоставительное изучение может объединять в себе как межкультурный, так социально-дискурсивный аспект (например, при анализе метафорики в идиолектах политиков из разных стран). Возможны и конструктивны многие другие комбинации.

В завершение отметим, что в данном обзоре выявлены не все аспекты сопоставления политической метафорики. Например, теоретически возможны сравнения между метафорами в устной и письменной речи, между метафорами в профессиональных и непрофессиональных дискурсах, между метафорами в дискурсе политиков разных возрастных групп и т.п., однако подобные аспекты сопоставления менее эвристичны и относятся к дальней периферии политической метафорологии.

ЛИТЕРАТУРА

- Баранов А.Н. Политическая метафорика публицистического текста: возможности лингвистического мониторинга. URL: <http://evartist.narod.ru/text12/09.htm> – 2003.
- Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. – М., 1991.
- Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. – М., 1994.
- Будаев Э.В. Метафорический образ России в современном мире. – Екатеринбург, 2009.
- Будаев Э.В. Постсоветская действительность в метафорах российской и британской прессы. – Нижний Тагил, 2006.
- Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации. – М., 2009.
- Красильникова Н.А. Метафорическая репрезентация лингвокультурологической категории СВОИ – ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе США, России и Англии: Дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М., 2004.
- Муране С.Н. Лексика медицинской сферы в языке современной российской и латвийской прессы // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2002. Т. 8.

Мусолфф А. Политическая «терапия» посредством геноцида: антисемитские концептуальные образы в книге Гитлера «Майн кампф» // Известия УрГПУ. Лингвистика [Урал. гос. пед. ун-т; Отв. ред. Чудинов А.П.] – Екатеринбург, 2006. Вып. 19.

Никифорова Л.К. Метафорическая репрезентация атомной энергетики в политическом дискурсе России, Франции и Германии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2010.

Санцевич Н.А. Моделирование вариативности языковой картины мира на основе двуязычного корпуса публицистических текстов (метафоры и семантические оппозиции): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003.

Серио П. Русский язык и советский политический дискурс: анализ номинаций // Квадратура смысла. – М., 2002.

Скребцова Т.Г. Метафоры современного российского внешнеполитического дискурса // *Respectus philologicus*. 2002. № 1 (6).

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М., 2004.

Чудакова Н. М. Концептуальная область «Неживая природа» как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации (2000-2004 гг.): Дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005.

Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография. – Екатеринбург, 2003.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): Монография. – Екатеринбург, 2001.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М., 2004.

Шмелева Т.В. Морбуальная оптика // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2001. Т. 7.

Abadi A., Sacerdoti Y. Source domains of metaphors in political discourse. A cross-cultural study: Israel and the U.S.A. // *RASK – International Journal for Language & Communication*. 2001. Vol. 5.

Anderson R.D., Jr. Metaphors of Dictatorship and Democracy: Change in the Russian Political Lexicon and the Transformation of Russian Politics // *Slavic Review*. 2001. Vol. 60(2).

Bates B.R. Audiences, Metaphors, and the Persian Gulf War // *Communication Studies*. 2004. Vol. 55. № 3.

Bergen B. To Awaken a Sleeping Giant: Cognition and Culture in 23 September 11 Political Cartoons // *Language, Culture, and Mind* [ed. M. Achard, S. Kemmer]. – Stanford, 2004.

Bilgin E. An analysis of Turkish modernity through discourses of masculinities: A thesis for the degree of doctor of philosophy in political science. – Ankara, 2004.

Candel B. Political Islam and Translation Metaphors and Frames in Media Reporting and Islamist Rhetoric: MA Dissertation. – Guildford, 2005.

Charteris-Black J. Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor. – Basingstoke, 2004.

Charteris-Black J. Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis. – Basingstoke, 2005.

Chilton P., Lakoff G. Foreign policy by metaphor // *Language and Peace* [Ed. Ch. Schäffner, A. Wenden]. – Aldershot, 1995.

Cienki A. Bush's and Gore's language and gestures in 2000 US presidential debates: A test case for two models of metaphors // *Journal of Language and Politics*. 2004. Vol. 3. № 3.

De Landtsheer Ch. Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach // *Communication and Cognition*. 1991. Vol. 24. № 3/4.

El Refaie E. Understanding visual metaphor: The example of newspaper cartoons // *Visual Communication*. 2003. Vol. 2(1).

Fiske J. Television Culture. – New York, 1987.

Gidengil E., Everitt J. Conventional Coverage / Unconventional Politicians: Gender and Media Coverage of Canadian Leaders' Debates, 1993, 1997, 2000 // *Canadian Journal of Political Science*. 2003. Vol. 36. № 3.

Gidengil E., Everitt J. Metaphors and Misrepresentation: Gendered Mediation in News Coverage of the 1993 Canadian Leaders' Debates // *Harvard International Journal of Press/Politics*. 1999. Vol. 4. № 1.

Harris J.G. Foreign Bodies and the Body Politic: Discourses of Social Pathology in Early Modern England. – New York; Cambridge, 1998.

Harvey A.D. The Body Politic: Anatomy of a Metaphor // *Contemporary Review*. 1999. Vol. 275. Issue 1603.

Heintze Z. Język polityki w okresie transformacji URL: jp.bigweb.pl/index.php – 2001.

Heradstveit D., Bonham G.M. The "Axis of Evil" Metaphor and the Restructuring of Iranian Views Toward the US // *Vasetej. Journal of the European Society for Iranian Studies*. 2005. Vol. 1(1).

Howe N. Metaphor in Contemporary American Political Discourse // *Metaphor and Symbolic Activity*. 1988. Vol. 3. № 2.

Lakoff G. Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf. URL: metaphor.uoregon.edu/lakoff-l.htm.

Lewis B. The Political Language of Islam. – Chicago, 1988.

Luoma-aho M. Body of Europe and Malignant Nationalism. A Pathology of the Balkans in European Security Discourse // *Geopolitics*. 2002. Vol. 7. № 3.

Malszecki G. M. "He shoots! He scores!": Metaphors of war in sport and the political linguistics of virility. – North York, 1995.

Musolff A. Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe. – Basingstoke, 2004.

Musolff A. Mirror Images of Europe. Metaphors in the public debate about Europe in Britain and Germany. – München, 2000.

Nasalski I. Die politische Metapher im Arabischen. Untersuchungen zu Semiotik und Symbolik der politi-

schen Sprache am Beispiel Ägyptens. – Wiesbaden, 2004.

Rash F. Metaphor in Adolf Hitler's *Mein Kampf* // *metaphorik.de*. 2005. № 9.

Rohrer T. The Metaphorical Logic of (Political) Rape: The New Wor(l)d Order // *Metaphor and Symbolic Activity*. 1995. Vol. 10. № 2.

Saigol R. *Becoming a Modern Nation: Educational Discourse in the Early Years of Ayub Khan (1958-64)*. Monograph № 3 (Monograph Series of Council of Social Sciences). – Islamabad, 2003.

Saigol R. *Symbolic Violence: Curriculum, Pedagogy and Society*. – Lahore, 2000.

Santa Ana O. *Brown Tide Rising: Metaphors of Latinos in Contemporary American Public Discourse*. – Austin, 2002.

Wee L. Divorce before marriage in the Singapore–Malaysia relationship: The Invariance Principle at work // *Discourse and Society*. 2001. Vol. 12. № 4.

Wei J.M. *Virtual Missiles: Allusions and Metaphors Used in Taiwanese Political Discourse*. – Lanham, 2001.

Yule G. *Pragmatics*. – Oxford, 2000.

Zinken J. *Imagination im Diskurs. Zur Modellierung metaphorischer Kommunikation und Kognition: Dissertation zur Erlangung der Wurde eines Doktors im Fach Linguistik*. – Bielefeld, 2002.

© Будаев Э.В., 2010